

РУСЛАНА

повесть

Альфред Портер

Альфред Портер
Руслана

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Портер А.

Руслана / А. Портер — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Это повесть о платоническом романе двух людей из разных миров, чьи судьбы волей случая на какое-то краткое мгновение пересеклись в чужой и малознакомой стране. Романе, который возник, как иногда прорастает вдруг нежный цветок над мусорной свалкой необузданных страстей, грубой похоти и безвыходных ситуаций, в которые нас ставит иной раз жизнь - безжалостно и неотвратимо... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Альфред Портер

Руслана

Повесть

Издательство «Skyporter»

London – 2012

© *Альфред Портер 2007*

© *Оформление: Автор, с участием Леи Портер 2011*

Я поставил свой старый фургон, переделанный несколько лет назад под передвижное походное жильё, в обычном месте – там, где ставил всегда, возвращаясь из Памучака в Кушадаси. За углом в узкой улочке, что уходит вверх полого по склону от набережной. Отсюда рукой подать до агентства «Тоя-Туризм», бизнеса моего давнишнего приятеля Феридуна.

Вот уж дней десять, как я приехал опять в эти южные, жаркие края, пропахшие запахами кебабов и моря. В страну пронзительно тычущих в небо, грозя и пугаясь своей дерзости, минаретов. В страну смуглых, учтивых и непонятных в своём восточном гостеприимстве людей, у которых всё смешалось – вежливость и обман, гордость и заискивание, лукавство и туповатость, ислам и жадная тяга к материальным посулам и свободным нравам Европы.

Мне было одиноко. По приезде, после дальней дороги с нередкими, не всегда приятными приключениями, остановился я, для начала, в маленькой частной гостинице, как раз вот на углу этой самой улочки и набережной. Был конец апреля, сезон ещё не начался, и в трёхэтажном доме гостиницы было пусто. Хозяйка, чуть надменная в силу своего богатого положения турчанка, явно пожившая немало лет в Германии и сделавшая там, как и большинство других новоденежных турок, своё нынешнее состояние, была весьма рада, заполучив от Феридуна меня к себе в постояльцы. Какие-никакие, а всё ж деньги.

За комнату с душем и завтраком с меня причиталось по десять марок в день. Германская марка уже давно была основной турецкой валютой в тех местах, где стремительно набирал размах туризм.

С утра, позавтракав в столовой на крыше, где кроме меня да улыбчивого, кареглазого Мустафы-буфетчика, почти никого в эти дни и не бывало, я отправлялся по набережной в центральную часть городка. За те десять лет, что прошли с наших здешних приключений с моим старым партнёром по крылышкам Феликсом – мы с ним, случайно заброшенные тогда судьбой в эти края, оказались нечаянно в пионерах турецкой сверхлёгкой авиации – городок Кушадаси сильно разросся и стал уже больше городом. Жилые кварталы и гостиницы повыврастали, как грибы после дождя. Выросли заметно и цены в заведениях для туристов – но, впрочем, и в прежние времена с Феликсом, и теперь не жаловал я ресторанов для туристов. На узкой торговой улице, неподалёку от почты и Керван-серая, знал я скромное заведение в одно окно, с парой столиков снаружи на тротуаре. Там усатый толстый Мехмет, с двумя подручными мальчишками, готовил в больших чанах настоящую, повседневную турецкую еду – для турок и по турецким, таким же как в прежние бестуризмные времена, скромным ценам. Там можно было поесть «фасулие» – полную миску слегка разварившихся бобов, и жаркое, напоминавшее мне то, что когда-то, во времена моего детства, привычно готовила бабушка. Вот только супы по-турецки были странно пустые и редкие, не то что наши домашние борщи. В остальном же непривычно скромные по размерам здешние блюда явно были в родстве с едой

причерноморских краёв Украины, едой моего детства. Не оттого ли и чувствовал я себя здесь, в этой цветистой, полной пряных запахов, чужезычной стране странно почти как дома?

Поболтавшись бесцельно по набережной, пройдясь мимо трогательно-забавного в своей нелепости памятника вождю – Отец Народа был тут изваян в компании юноши и девушки в спортивных одеждах, которых вёл за руки, надо думать, по Правильному Пути (хорошо хоть самого изобразили в пиджаке, а не в маечке и трусах!) – я сворачивал вверх по широкому бульвару, вдоль древней стены Керван-серая, и шёл мимо почты, мимо целого ряда лавок, торгующих коврами и золотыми безделицами, к старым аркам, которыми кончался бульвар. Многие из приказчиков уже знали меня в лицо, и не приставали. Только почтительно здоровались. Я был странный человек: из Европы, а вроде не турист.

Что носило меня по этим улицам, сам не знаю. Скорее всего, острое ощущение одиночества, неудовлетворённая тяга к общению, тёмным облаком вечно лежавшая на душе. С англичанами давно уже ничего, кроме обязательных лицедейных улыбок и вопросов, неправда ли хороша сегодня погода, меня не соприкасалось. В жарком и бестолковом Израиле делать было особо нечего. А здесь, где можно было летать, пусть нелегально и без спросу, но сколько душе угодно – вокруг были загадочные усатые, вежливо и непроницаемо улыбочатые турки, с их непонятной мне речью. Да ещё туристы обоих полов из северных стран Европы, а с ними тоже каши особо не сварить.

Поболтавшись вот так часок-другой по городу, садился я в свой старый, повидавший виды фургон и ехал в Памучак. К плоской, как стол, равнине, что выходит своим широким раструбом к морю, к нашему с Феликсом старому кемпингу, где стояли мы во времечко оно с моим лендровером, дешёвым караванчиком, зелёным самодельным трейлером и двумя трудовыми дельталётами, занимая место размером с площадку для баскетбола под самыми густыми деревьями кемпинга, в благословенной тени. Другим концом эта мрачная, в солончаковых проплешинах, заросшая колючим чертополохом долина, над которой в синем прозрачном воздухе будто витают неясные тени тысячелетий, упирается в городок Сельчук, обтекая по пути знаменитые развалины Эфеса.

С тех пор на одной из белёсых проплешин, самой ближней к зачарованным развалинам древних, которую мы пытались когда-то использовать для полётов, турки успели построить настоящий местный аэропорт. Широкая лента асфальта раздвинула бесцеремонно чертополохи и подсолнуховые делянки, устремясь почти от самой ограды древней греко-римской колонии в сторону моря. Впрочем, до моря отсюда было ещё далеко: за две тысячи лет береговая линия отодвинулась километров на восемь. Узкая улица Эфеса, мощёная мраморными булыжниками, что вела в древности к пристани, в наши суетные времена заводит неожиданно и нелепо в те же заросли верблюжьей колючки, да там и обрывается.

Тщета... Невидимая река времени течёт сквозь сухой и жаркий воздух над выветрившимися глыбами мрамора, в миражах восходящих потоков и звоне цикад.

Наша с Феликсом «взлётная полоса» – проплешина солончака, туго-резиновая под ногой, будто припорошенная белыми разводьями соли – исчезла навсегда под толстым слоем каменной крошки, залитой сверху асфальтом. Теперь здесь взлетают, стремительно мчась к морю при разгоне, винтовые мини-лайнеры коммерческих авиалиний. Романтика птичьего полёта с видом на вековые развалины испуганно отступила под натиском массового туризма и бизнеса.

Теперь небо над нашей равниной, от сильно разросшегося и побогатевшего Сельчука и до просторного дикого пляжа в Памучаке, скучало по прежней воле, томясь под контролем диспетчера, сидящего в стеклянной будке на крыше нового аэровокзала. Но я всё же надеялся, что каких-нибудь три-пять самолётов в день, к тому же успевающих до подлёта к берегу набрать с тысячу метров высоты, не станут помехой моим планам. Главное, чтобы даже самый тупой контролёр воздушного движения нисколько не сомневался, что мы при любом раскладе не представляем ни малейшей опасности для его самолётов. Чтобы он видел в нас просто без-

обидных эксцентриков. Чудаков, от которых вреда ещё меньше, чем от мурашей, суетливо ползающих по полу его будки, остеклённой наклонно-наружу со всех четырёх сторон.

На этот раз я свернул с шоссе не направо, к Сельчуку и Эфесу, чей знаменитый огромный театр, врезанный в склон холма, можно было легко заметить отсюда, с перекрёстка, а налево – к морю. Здесь была всё та же старая узкая ленточка потресканного асфальта, которая – я это помнил с прежних времён – утыкалась в самый пляж. Справа мимо окна фургона привычно потекла плоская скучная равнина, густо заросшая грубой сорной травой и кучками тощих кустов.

Потом я вдруг заметил что-то новое. Белая, плохо сложенная известняковая ограда, несколько беспорядочно разбросанных домиков, делянки, вроде бы как для караванов, среди жидких, молодых деревьев. У домика побольше стояла чёрная коляска, выпряженные кони мирно паслись чуть в стороне. Посередине в белой ограде был проезд, над которым поднималась арка из гнутых реек, затянутая синим холстом. На холсте были изображены криво и самоделно, как на рисунке школяра, несколько звёзд и месяц. И косо накарябано: «Мави Ай».

Цыганщина какая-то...

Проехав, не снижая скорости, это место, я вскоре добрался до нашего прежнего кемпинга на берегу. Здесь всё выглядело, как прежде. Крохотные деревянные бунгалос с окнами, упрянтанными под жалюзи. Ресторан, веранда которого выходит прямо на пляж. Только море как будто отступило за этот десяток лет ещё на несколько шагов. Да вдоль веранды вырос густой высокий забор камыша.

Вокруг не было ни души. Запустение и густое жужжание мух. То ли ещё закрыто до начала сезона, то ли закрыто и заброшено вообще. Было в любом случае ясно, что рассчитывать на постой здесь не приходится. А мои новые, пока ещё заочные, приятели-пилоты из Москвы обещались вот-вот уже приехать – Феридун сумел, наконец, сделать для них приглашение, по которому им должны были выдать визы в Турцию на всё лето.

Я побродил с полчаса по кемпингу, над которым уже сгустилась та же река времени, что мерно и неслышно течёт над заброшенными развалинами Эфеса и других давно мёртвых, пустых обиталищ...

Вот здесь, под этими заметно возмужавшими деревьями, стоял наш дряхлый, но уютный караван... а вот здесь я впервые столкнулся с Феридуном, которого привели с собой переводчиком типы из турецкой госбезопасности. Им почему-то обязательно надо было выяснить, что мы за птицы и зачем приехали в их страну... А тут у меня был учёный спор с дворником Юсуфом о достоинствах и недостатках турецкого туалета в сравнении с европейским... Спор происходил по-немецки, на языке, которого мы оба почти не понимали – но никакого другого общего языка у нас с Юсуфом не было.

Послушав минут десять шум волн, набегавших из широкого открытого залива на безлюдный пляж, я поехал обратно.

У непонятого объекта за белой оградой я нерешительно притормозил. Потом всё же съехал по крутому песчаному спуску под синюю арку и остановился оглядеться получше.

С разных сторон к моему старому «мерседесу» кубарем слетелись с оголтелым лаем разношерстные дворняги. Потом подошла смуглая девочка в цветастом платице, из-под которого виднелись джинсы. Она с робким любопытством осмотрела мой белый фургон и стала отгонять собак.

Хош гелдиниз!.. с милым выговором чуть в нос (отчего с непривычки на слух всегда кажется, будто турецкие женщины эротичны и плаксивы) сказала девочка. И застенчиво улыбнулась. Её большие серые глаза светились приветливо и чуть опасливо.

Кемпинг?.. не сразу спросил я, тщетно обыскав сперва все закоулки памяти в поисках какой-нибудь подходящей вежливой фразы по-турецки.

Эвет!.. радостно сказала она. И во всю прыть побежала к дому, возле которого стояла чёрная бричка и всё так же смиренно и безучастно паслись две лошадки.

Али-беей!.. кричала девочка на бегу.

Из домика вышел смуглый сухошавый человек в жилетке на голом туловище. Босые ноги были обуты в шлёпанцы, с круто загнутыми кверху носами и без пяток.

Это и был хозяин нового кемпинга, выросшего на приэфесской равнине за истекшие с моего предыдущего пребывания годы. Али-бей был человек простой и небогатый, который все свои «миллионы» в ничего не стоящих лирах вложил в это место, купленное на бесплодной, засоленной равнине, где ничего не растёт, кроме сорной травы. Построил сам, корявыми от тяжёлого, привычного с детства труда руками, ограду, душевую, туалет и скромный дом для себя. Придумал арку над въездом, из гнутых реек, и надписал название: «Мави Ай». По-турецки «Лунный Свет».

Поэт!

Мы договаривались на пальцах – простой человек Али-бей в Германии, как миллионы других, более склонных к труду на чужбине турок, не жывал. И ни на каком языке, кроме родного турецкого, не понимал ни пол-слова. Но люди, которым искренне хочется договориться, всегда сумеют это сделать. Я был долгожданной первой ласточкой в его только что открывшемся кемпинге. Для меня же это было возможностью поставить, наконец, на приколы мой походный дом, собрать старый, повидавший немало видов дельталёт...

Дальний угол ограды кемпинга выходил на пустую равнину, ту самую, над которой мы когда-то летали с Феликсом. В ограде был проход. Я промерил его и убедился, что мой трайк, с широко расставленными колёсами шасси, удастся протащить за ограду.

Возле прохода стоял небольшой сарай. Он тоже поступал в моё распоряжение, там можно было сделать кладовку и запирать её на ночь.

Все эти угоды, вместе с самой лучшей стоянкой, совсем рядом с душевыми, я получал от Али-бея за царскую сумму в пять марок в день. За трёх человек – я ожидал приезда Игоря и Олега из Москвы – это было, можно сказать, задарма. А ещё мой фургон да их машина! А ещё несколько дельталётов!

Это была, можно смело сказать, Сделка Века.

Ударив с Али-беем по рукам, я вернулся в Кушадаси.

Феридуна в конторе не оказалось – он в последнее время всё чаще околачивался в Анталии, где поток туристов был куда гуще. Посидев на мини-веранде у входной двери в «Тою», я испил кирпично-крепкого чаю в крохотной стеклянной посуде, похожей на лабораторную колбочку, почтительно принесённого мне одним из подручных мальчиков. Пил терпкий чай и глядел, как вдали, у таможни, медленно подвигивается к пирсу белый греческий лайнер.

Море было густо-синее, с едва заметными белыми барашками от свежего бриза. Пора было отправляться на привычную прогулку в центр города, а потом на ланч к Мехмету в его буфет.

Набережная была почти пуста. Туристов в такое межсезонье в городе было совсем мало, местным жителям не до прогулок, свои дела. Я шёл неспеша в направлении «Ататюрка – вождя спортсменов», за которым дальше располагались международный причал и таможня, а ещё дальше, над крутой излучиной берега поднимался округлый холм, похожий на огромную женскую грудь. На верхушке холма шла какая-то стройка, и уже становилось понятно, что там зиждут ещё один памятник Отцу Народа, причём такого размера, чтобы длань, протянутую в светлые дали, можно было разглядеть снизу издали.

Не дойдя до старого Ататюрка, который поменьше, я свернул налево в улицу, уходившую в сторону от моря. Здесь были магазинчики модной одежды, кафе, туристические офисы и небольшие гостиницы. Дальше улица расщеплялась на трое, и мне было как раз в среднюю из

трёх, где среди ресторанчиков, магазинов и кафешек для туристов незаметно пристроилась народная столовка-буфет толстого Мехмета.

Навстречу мне медленно, держась за руки, шла молодая парочка. Крепкий, спортивного вида блондин лет тридцати, в трикотажных синих штанах с красными маршалскими лампасами и подобной же куртке. Лицо его было грубоватое и беспокойное, бледно-землистого оттенка. Он держал привычно-пренебрежительно за руку крашеную блондинку, из гладких волос которой химия вытравила всё, что в них было своего от природы. В точёной фигурке девушки было что-то слегка цыплячье. Особенно её стройные, чуть-чуть слишком мускулистые ноги, да плоская грудь едва с намёком на женские формы. Одета блондинка была в невыносимо короткую юбку из джинсы и почти прозрачную блузку. Голени по самые икры игриво оплетали тонкие причудливые завязки сандалий. На бледном личике эротическим криком горели ярко-карминные губы, в странном и резком контрасте с холодными белёсыми глазами, в которых застыла скука.

Усатые турки при виде этой пары несколько столбенели и долго провожали её глазами, жадно и клейко ощупывая обоих, в особенности женщину.

Что за странная пара... Откуда они? Я даже замедлил шаг и остановился у какой-то витрины, чтобы успеть неспеша рассмотреть их.

Скандинавы какие-нибудь? Нет... у парня что-то уж слишком несытая физиономия, а девушка не в меру темпераментно и безвкусно выложила себя на прилавок. И фигура у неё тренированно-мюзикхолевая. Какой-то болезненной бедностью отдаёт, к тому же, от этой парочки... Откуда они?

Мужчина с девушкой неспеша, бездельным прогулочным шагом прошли мимо. И у меня за спиной я услышал голос блондинки. На неизвестном мне языке она сказала что-то спутнику. Звучали слова её странно, и даже отдалённо похоже на русскую речь.

Удивительно!.. подумал я. До чего похоже на слух...

Мне показалось, что я даже смог бы легко повторить эти звуки. Нечто вроде:

«слышьколяжратьохотанупростосилнет».

На что её спутник, поморщась, ответил какой-то сердитой тирадой. Она прозвучала прилизительно так:

«даланперебьёшьсякапустасовсемнадне».

Удивительно, до чего необычный язык! Но какой?..

По звучанию смахивает на португальский, подумал я. Тоже много шипящих и жужжащих звуков. Что за язык такой странный?..

И вдруг меня точно током ударило.

НАШИ?!

Вздрогнув, я повернулся и медленно пошёл вслед за парочкой, старательно делая вид, что рассматриваю витрины, но при этом изо всех сил пытаюсь расслышать, что они говорят, общаясь между собой.

Мне было смешно и неловко – тоже ещё Инспектор Ключо...

Это продолжалось с полчаса, пока наконец они остановились, у витрины с женским бельём. Я медленно подошёл совсем близко и тоже стал рассматривать трусики, бюстгалтеры и ночные сорочки, весь обратясь в слух. Девушка тоскливо и долго смотрела в витрину. Потом сказала:

Коль... ну правда сил нет уже... ужас как жрать хочется!..

Он тяжело вздохнул. Потом подумал и сказал:

Ну может, давай какой пирожок купим. Или поесть бы где супу, да только где б подешевле найти?..

Наши...

Но как же – их отпустили гулять вдвоём? Без положенного на троих стукача?

Перестройка... подумал я. Стало даже смешно – я ведь и сам-то ждал приезда двоих дельталётчиков из Москвы. Забыл!..

Мне хотелось заговорить с ними, но я опасался их спугнуть – не подумают ли, что я подосланный провокатор? Я ещё помнил, как сигали от меня на другую сторону улицы редкие советские граждане, на которых раза два-три за все эти годы довелось мне наткнуться в Лондоне. Как, при попытке заговорить с ними, всей тройкой взлетали орлами над брэнной землёй и опускались на противоположную сторону улицы, глядя на меня из почти безопасного далека испуганно-настороженными глазами...

Спасла положение девушка. Повернувшись ко мне, она вдруг сказала:

Ю это... спик инглиш?..

Sure I do, весело сказал я. What's the problem?

Девушка озадаченно смотрела на меня. Потом повернулась к мужчине.

Коль... он, мне кажется, не понимает. Тупой какой-то. Тоже, видно, турок... Может, спросим кого другого?..

Не надо другого, милая!.. поспешно сказал я... Вы же просто вытянули счастливый билет!..

Чего-о?.. испуганно сказала девушка. И вдруг добавила: Ой!..

И ухватила за руку своего Коли.

У того по землистому лицу расплзалась недоверчиво радостная улыбка.

Пошли обедать, ребята!.. сказал я.. Пока вы не окочурились от голода.

Да у нас тут такая история... поспешно сказал мужчина... Остались на нуле. Нам бы где подешевле...

А мы как раз в такое место и пойдём... успокоил его я, и прикинув мысленно, сколько десятков тысяч лежит у меня в кармане, добавил:

Сегодня я вас угощаю. Такая приятная неожиданность...

Толстяк Мехмет меня помнил ещё со времён наших с Феликсом авиа-приключений. Мы сели за столик на тротуаре. Подошёл почтительно один из поваров.

Что берём?.. спросил я у новых знакомых.

А можно меню?.. спросила девушка.

Можно!.. сказал я и улыбнулся... Можно и тебе. Но сначала всё же лучше покушать.

Мужчина засмеялся. Девушка непонимающе вытаращила глаза.

Анекдот такой... примирительно сказал я... А меню тут простое. Загляни в витрину и ткни пальцем в то, что тебе по душе. У них тут всё вкусно готовят. Рекомендую фаршированные перцы или жаркое.

Они ели жадно и долго. Поначалу немного стеснясь, но потом увлекшись не на шутку. Толстый Мехмет радостно смотрел сквозь открытое окно, как ест голодная девушка. Потом поманил меня пальцем. Я подошёл.

Уруслар?.. спросил он... Наташа?..

Всех русских женщин в этой стране почему-то звали «наташами».

Эвет!.. сказал я.

Чок гюзель!.. уважительно сказал Мехмет и разгладил усы. Потом подумал и положил в тарелку самый красный и большой из фаршированных перцев. Ткнул себя пальцем в грудь, потом показал на девушку: мол, от меня подношение в знак искренней любви к красоте.

Я поставил тарелку с перцем перед ней.

Это вам от хозяина!.. сказал я. Девушка подняла глаза от тарелки. Мехмет поймал её удивлённый взгляд и просиял.

Чо-ок гюзель!.. сказал радостно он и помахал рукой, сложив колечком большой и указательный пальцы.

Тешекюлер!.. тихо сказала девушка и неожиданно послала Мехмету воздушный поцелуй, приведя толстяка в полный восторг.

За чаем Николай рассказывал неспеша их историю. Девушка Вера молча слушала и согласно кивала.

Он был артист цирка, жонглёр «оригинального жанра»: жонглировал увесистыми гириями, небольшими штангами и – самое эффектное! – мечами. Когда лопнула неожиданно советская власть, и жить материально стало просто неважно, Коля решил – надо ехать работать за границу. Безвестным артистам вроде него приглашений из Лондона и Парижа не поступало, и будучи по натуре человеком авантюрного склада, он занял пять тысяч долларов у каких-то бандитов (а у кого ещё можно занять?.. у банков?.. под что?.. под честное слово?..) и стал собирать труппу, поехать работать в Турции.

А как же эти бандиты вам одолжили, сумма всё же не маленькая?.. спросил я.

Его землистое лицо расплылось в иронической горькой ухмылке.

За такие проценты они самому чёрту одолжат... А в залог родители или дети. Не отдашь во-время, штрафные проценты тикают, только держись! А если вообще не отдашь – самого пришьют, если дотянутся. А не дотянутся, так детей убьют. Или отца с матерью. Очень просто...

Помолчав, я вздохнул. Русь бандитская...

Николай продолжал свой рассказ. Какие-то турки, обретавшиеся в Москве, пообещали, если он соберёт группу девушек-танцовщиц, устроить им работу в Измире. Выступать с концертами в каком-то солидном увеселительном заведении.

Ну, дал объявление... желающих тьма, все хотят за границу, все голодные. Ни работы, ни перспективы дома... Отобрал вот троих – балерины, отлично танцуют, и вообще...

Он неловко запнулся.

А чего ты, Коль?.. вдруг сказала молчавшая до сих пор Вера... Чего стесняешься?.. что есть, то и есть. Начал, так уж рассказывай. Человеку интересно же, правда?..

Она смотрела на нас обоих с горьковатой усмешкой.

Мне стало неловко.

Ну, может, не стоит?.. предложил нерешительно я.

Николай вздохнул и повёл могучими плечами – свою трикотажную синюю куртку он снял и сидел теперь в спортивной майке, весь в бицепсах и дельтах мощных мускулов.

Ладно... чего там. И правда, что нам стесняться, все свои. Натянули нас турки, от души. Приехали мы в Измир вроде выступать, а попали в самое то.

В казино... сказала Вера... Знаете такое?

Казино, что ли?.. неуверенно сказал я.

Нет, это совсем не казино. Это... ну как бы сказать?..

Она сыто, тяжело призадумалась, глядя вдаль своими белёсыми скучающими глазами. Наполовину съеденный перец потерянно лежал в миске перед ней.

Николай вздохнул.

Да вроде как смесь бара с бардаком, если честно.

Ну да, в общем... согласилась она... Правда, девушки там, в основном, для консумации. Остальное (она посмотрела откровенным долгим взглядом мне в глаза) уже личное дело, по желанию...

Я не знал, что такое «консумация». Наверное, от английского to consume, потреблять? Латинское сло-во. Старое, как мир. Но что обозначалось им в этом турецком контексте?..

Так вы даже и не выступали с вашими концертами?.. спросил деликатно я.

Ну почему же, выступали!.. сказал Коля... Я крутил штанги и мечи, девочки танцевали. Но это так, для отчётности. Главная работа была не эта. Главное было раскручивать клиентов.

Чтобы побольше заказывали выпивки, да подороже. Надо было подсаживаться к ним, строить глазки... заводить, чтоб брали почаще выпить... Ну, и всё такое...

Он был явно смущён.

Я молчал, не зная, что сказать. Мне тоже было неловко, будто нечаянно прочёл чужое и очень интимное письмо.

Вот это и есть консумация, сказала девушка Вера... Официально это запрещено. Полиция за такие дела может устроить налёт и закрыть заведение.

Нас вот и закрыли... сказал грустно Коля и опустил голову... На целых две недели... Забрали всех в полицию: хозяев, красоток, клиентов, и нас за компанию. Паспорта отобрали... правда, на завтра отдали.

Он тяжело вздохнул.

И что теперь?.. спросил осторожно я.

Ничего... равнодушно сказала Вера... Хозяева велели придти обратно, когда разрешат снова открыться. Денег не дали ни копейки. За квартиру плати, жрать тоже, простите, что-то надо. Город большой, всё дорого...

Вот приехали сюда посмотреть, может тут дешевле переждать... сказал тихо Николай... Эх, найти бы где хоть пару выступлений!..

Он сидел, сильный, весь в буграх мускулатуры, потерянно, как ребёнок.

Я вдруг подумал о моём приятеле Феридуне, который всю жизнь крутится в мире гостиниц, туристов, яхт и чартерных авиалиний.

Знаете что?.. сказал осторожно я... Вы же, наверное, сегодня уедете обратно в Измир?.. Оставьте телефон, я поговорю тут с приятелем – вдруг удастся вам хоть сколько-то помочь.

Вера испытующе посмотрела мне в глаза своим усталым разочарованным взглядом. Знаю я вас всех, самцов... говорили её белёсые скупающие глаза.

В глазах Коли я тоже не заметил больших надежд. Мне подумалось, это и к лучшему – ведь скорее всего, так вот сразу ничего и не получится. Но всё-таки...

Ребята... сказал я... У меня тут старый приятель, я его знаю вот уже десять лет. Он в тур-бизнесе, знает здесь всех кошек и собак. А вдруг? Вы ж ничего не теряете, верно?

Вера молча, оценивающе посмотрела мне в глаза своим стылым белёсым взором.

А может, лучше мы бы вам позвонили?.. сказала наконец она... У нас там такой бедлам, что... Вообще трубку не поднимут...

Да и поднимут, так не позовут... сказал Николай.

Я записал на клочке бумаги номер Феридуновой «Тои» и положил на стол. Чтобы не выбирать, кому из них протянуть эту бумажку.

Позвоните завтра, часа в три... сказал я, расплатился за наш обед с одним из подручных Мехмета, жестом попрощался с толстяком и встал из-за стола.

Феридун наутро был уже у себя в офисе. Ночь он провёл в дороге: ехал, на старом, слегка помятом «пежо» своего младшего компаньона Зеки, из Анталии. Дорога была не близкая, с полтысячи километров. Да и шоссе в горах на пути местами было небезопасным, с крутыми поворотами над гибельными обрывами.

Но мой приятель был, как всегда, свеж и чисто выбрит. Начавшая сесть аккуратная щёточка усов выглядела ухоженной и довольной жизнью на его смуглом, моложавом лице. Как многие люди небольшого росточка, Феридун любил обширные столы и высокие многозначительные кресла.

Чай?.. протягивая мне сухонькую небольшую руку, спросил он. И не дожидаясь ответа, негромко повелел в общую комнату своей конторы:

Чай для Альфрет-бея...

Эфенден!.. донёсся оттуда голос мальчишки-посыльного.

So!.. How are you, my friend?.. сказал он, оглядывая меня долгим внимательным взглядом.

Окей... сказал я и пожал плечами... Скоро приедут мои пилоты, а пока вот – нашёл новый кемпинг и поле рядом. Наверное, сегодня переберусь туда.

Альфрет, ты никогда не меняешься!.. улынувшись одними глазами, сказал Феридун. Он, как все люди практического склада, относился к моим полётам с уважительным скепсисом: красивое дело и не для робкого десятка, но серьёзным не назовёшь. Ибо денег на нём явно не сделаешь...

А зачем мне меняться?.. пожав плечами, сказал я... Будет хоть что вспоминать на старости лет.

Наверное, ты прав... вздохнув, сказал мой приятель. В его живых карих глазах промелькнула грусть.

Я рассказал о вчерашней встрече с молодой русской парой.

Не знаешь, куда бы их можно было пристроить на пару недель выступать?.. спросил я... Жалко, пригласили людей приехать, и выбросили как мусор. Некрасиво вышло.

Эээ!.. укоризненно и ворчливо вздохнул Феридун, разведя руками... Эти хозяева газино!.. Мафия, бессовестные люди... Позорят нашу страну!..

Когда мой приятель что-то очень не одобрял, он издавал долгий горловой звук, напоминавший ворчание большой собаки.

Он погрузился в раздумье, машинально пощипывая щётчку усов. Я молчал, разглядывая открытку с видом на Птичий островок, от которого и пошло название города, Куш-адаси.

Yes!.. сказал, наконец, мой приятель... That's it!

Он взгляделся в какой-то список, лежавший под стеклом на столе. И защёлкал кнопками телефона.

После короткого разговора с кем-то Феридун удовлетворённо положил трубку и посмотрел испытующе на меня.

Акбюк!.. сказал он и поднял кверху палец.

Я недоумевал. Слово было мне неизвестно.

Он понял и усмехнулся в усы.

Там, в Акбюке, только что закончили строить два больших отеля. Тоже, конечно, мафиозные деньги... но какое нам дело... Я говорил с хозяином гостиницы «Акдениз». Он согласен, пусть приезжают твои артисты. Дадут комнаты, питание. Может быть, даже какие-то деньги... Будут выступать раз в день, вечером, когда туристы обедают... Хорошо?

Ещё бы!.. в восторге сказал я... Да эти русские девушки тебя ещё как отблагодарят!..

Ооо!.. проворчал укоризненно Феридун и поднял кверху обе руки, ладонями ко мне... Я же семейный человек...

Он вздохнул и сокрушённо пожал плечами. Было видно, что тяжёлый груз семьи моему другу всё же хотелось бы иной раз сбросить, хоть на денёк.

Как туда добраться, в этот Акбюк?.. спросил я.

На стене висела карта. Феридун ткнул пальцем в причудливой формы залив, к югу от Кушадаси.

Очень просто, сказал он... Из Измира?.. Пусть доедут через Сельчук до Сёке, ты же там бывал, у меня дома. Потом в Аккёй, возле Дидимы. А уже оттуда, наверное, что-нибудь да найдётся. Там же туристы. Такси, а может, там есть и долмуш¹... Кстати, красивый залив. Тоже посмотри, может, там устроить полёты твои?..

В три часа я сидел у телефона, напряжённо ожидая звонка. Сам удивляясь тому, как вовлечён, оказывается, в судьбу этих совершенно не знакомых мне людей, попавших в невесё-

¹ Маршрутка

лый турецкий переплёт. Что меня так затронуло в рассказе этой случайно встреченной пары? Что они мне? Эта девушка Вера, с её стильным, разочарованным взглядом... Этот не шибко приятный внешне парень, с его почти лошадиной мускулатурой... Была ли причиной тому их откровенная, детская беззащитность – беззащитность людей, выросших в пионерском лагере и веривших, вопреки тому, что видели их глаза вокруг, в красивые сахаринные сказки, вроде «морального кодекса строителя коммунизма»?.. Человек человеку – друг, товарищ и брат?.. А теперь они попали вдруг в страну откровенного, жёсткого капитализма, с грязным бизнесом и безо всякой социальной защиты. В страну, где иностранец без денег – законная добыча для бесчисленных торгашей живым товаром и жулья.

Может быть, я просто впервые за много лет столкнулся с людьми «оттуда», из страны, которую я покинул при первой же возможности, пройдя через унижительные и страшные препоны... но где у меня когда-то было то драгоценное, чего я по-настоящему не ценил и не знал, что утрачу навсегда?.. Отношения, не испачканные деньгами... девчонки, дававшие просто так, от чувства... да и наконец, язык!.. общение...

Резко затрещив телефон, стоявший передо мной на столе. Было двадцать минут четвёртого.

Это вы, Альфред?..

Я узнал в трубке голос Веры. Запыхавшийся и тревожный. Оказалось, что в пансионе им не разрешили позвонить в другой город... в одном автомате на улице защемило жетон... в другом была оторвана трубка.

Еле нашли, откуда позвонить!.. Вы извините, что мы опоздали...

Ничего, ничего... поспешно сказал я... Пустяки, не переживайте.

Ну а... голос её на миг замер... Узнали что-нибудь для нас?.. А то мы тут совсем уже никакие... девчонки плачут сидят... И домой-то вернуться не на что...

Узнал, узнал!.. сказал я... У вас жетонов хватит? Может, я лучше перезвоню?.. дайте номер.

Я набрал номер автомата в Измире и объяснил, что к чему. И как добраться в этот Акбюк.

Спасибо!.. сказала она... Ой, просто не верится! Какое счастье, что мы вас вчера встретили, просто судьба...

Езжайте завтра с утра, сказал я. Мне было немного неловко... Потом позвоните сюда в... ну, скажем, в пять вечера. Чтобы я знал, как вы там, ладно?..

Обязательно!.. радостно сказала Вера... Ой... я так рада!.. *мы вас обязательно отблагодарим!*..

Да ну что вы!.. поспешно сказал я. Выкрашенные добела блондинки с кроваво-красными губами и глазами цвета студня давно уже перестали быть моей слабостью.

Хотя...

Вот уже скоро две недели как я здесь. Один. А до этого почти неделя дороги. А и до того, в Лондоне, тоже давно никого... Тело томилось по слиянию с другим телом, по обмену живыми соками жизни. Торчали, требуя ласки, налившиеся истомой соски. А уж что говорить о тоске внизу, между бёдер...

Я вдруг вспомнил, что у Николая в группе ведь ещё несколько девушек. Может, и для меня во вчерашней встрече есть хоть самая малость от судьбы?..

Чтобы отвлечься от бесплодного, беспредметного томления, я отправился в «Мави Ай» и подогнал фургон вплотную к полученному в пользование сарайчику: решил собрать, наконец, мой старый трайк². Слегка обшарпанная от долгого, не без приключений, использования тележка была крепко прихвачена верёвками на крыше фургона. Я осторожно спустил её вниз.

² Нечто трёхколёсное (англ.) Здесь – тележка дельталёта

Развёл широко её тонкие крепкие ноги из сдвоенных дюралевых труб, пока не вытянулись до упора все тросы. Всунул задние тросы в буксы с двусторонней нарезкой, завинтил до полного натяжения, вставив в дырочку на теле буксы тонкую отвёртку – нужен был рычаг.

Потом я надел, с тугим натягом, колёса на обмазанные свежей густой смазкой оси. Крутнул. Оба колеса вращались легко и свободно, сидя плотно, без малейшего шата, на штырях осей.

Теперь я продвинул на место узел переднего колеса и, легонько постукивая, вбил насквозь длинный болт, который служил осью. Подсоединил тросик газа.

Оставалось самое трудное – подвесить тяжеленную чуху мотора. Старый и безотказный «фуджи-робин», сделанный в далёкой Японии, весил вместе с глушителем и редуктором добрых сорок кило. Правда, и мощность была у него приличная – пятьдесят лошадей. Как раз то, что надо, чтобы уверенно выталкивать в небо тяжёлый воздушный мотоцикл с двумя седоками.

Обычно для этой операции нужны бы два помощника, которые, покряхтывая от усилий, держали мотор точно под рамой, пока я бы вставлял все четыре болта в тугие антивибрационные блоки из чёрной резины и поскорее наживлял свежие гайки-целочки, с девственным колечком пластика над резьбой. Колечком, в которое никогда ещё не протискивался грубый толстый болт.

Часто бывая в своих поездках один, я придумал удобный способ состыковки. Вот и сейчас я расстелил позади тележки, уже стоящей, широко раздвинув бёдра шасси, брезент. Положил в середину брезентовой грубой простыни, как подушку, потёртое старое сиденье от трайка. С большим усилием вынул из фургона тяжеленную чушку мотора, я стиснув зубы пронёс её с пяток шагов до брезента и остороженько уложил на мягкую подушку.

Чёрт!.. и как эту неподъёмную тяжесть так легко уносит в небо крыло?..

Я пристроил мотор на фланец винта, заводным устройством кверху, подтащил трайк поближе и задрал его передним колесом к небесам. Трубки моторной рамы всунулись сами как раз куда нужно. Слегка подвигав мотор, я втокнул один из болтов подвеса в «сайлент-блок», гасящий вибрацию, и слегка наживил на нём гаечку. Потом всунул второй болт. Потом остальные два.

Слегка подвинтив все четыре гайки, до тех пор как послышится тихое кряхтение пластикового колечка, в которое начинает бесцеремонно протискиваться болт, я стал поднимать мотор, быстро легчавший у меня в руках. Когда переднее колесо тележки коснулось земли, мотор уже не оттягивал мне руки. Он просто висел спокойно на своих четырёх болтах. Я просунул в дырку на пилоне трайка длинный болт и втокнул его в «сайлент-блок» в нижней части мотора. Потом закрутил все гайки до упора и продел тонкие чеки стопоров в дырочки на концах болтов – необходимая предосторожность на случай, если вибрация от мотора ослабит колечко пластика в гайке, и она захочет слезть с надоевшего ей болта.

Крышки карбюраторов, вместе с плунжерами и тросами, аккуратно обмотанные в мягкие чистые тряпки и упрятанные в двойной слой прозрачных мешков из полиэтилена, были прихвачены клейкой лентой к рамке сиденья. Я осторожно высвободил их из этого плена, проверил – не загрязнились ли. Потом снял полиэтиленовые мешочки с самих карбюраторов, вынул заполнявшие их внутри чистенькие тряпочки и опустил, один за другим, оба плунжера с торчавшими иглами, в корпуса. Завинтил на места дросселя холодного старта.

Сверху на мотораму я поставил чёрный, с гладкими боками, бензобак. Прозрачная пластмассовая трубка бензопровода пожелтела от старости и стала жёсткой. Я пошарил в большом мешке с разной всячиной и вытащил отрезок свежей и прозрачной трубки. Отхватил ножом кусок подходящей длины и насадил одним концом на патрубок фильтра. Надел на трубку две затяжные клипсы, потом натянул второй конец трубки на выходной патрубок бака. Усадив клипсы по местам, я плотно затянул их до упора.

Покончив со сборкой тележки, я любовно и осторожно вытащил из-под скамьи в фургоне деревянный лакированный пропеллер, запелёнутый в мягкое тряпье. Передние кромки лопастей были оклеены мутновато-белыми, цвета спермы, лентами прочного пластика, предохранявшего тело пропеллера от незамеченных в траве прутиков и мелких камешков, которые могут попасть в прозрачный, гудящий басисто-надсадно круг винта при разбеге на взлёт.

Я насадил винт большой дыркой в его центре на штырь, плотно вдвинул на место, сопоставил дырки на комле винта и на флянце редуктора, и затолкал на место все четыре болта. Завинтил гайки-целочки, не закручивая их пока до упора.

Теперь надо было сделать «тракинг». Добиться того, чтобы лопасти винта ометали круг точно под прямым углом к оси. Я воткнул в землю длинную отвёртку, рукояткой у самого конца лопасти, смотревшей вниз. Закрепил весь трайк так, чтобы он не сдвигался. И стал поочередно, через упругое сопротивление мотора, подтягивать лопасти одну за другой вниз и глядеть – проходят ли они рядом с этой рукоятью на одинаковом расстоянии.

Мне повезло – разницы почти не было, пустяки, пара миллиметров. Я затянул окончательно-равномерно все четыре болта, ещё раз проверил, не увеличилось ли биение. Потом вставил стопоры в крохотные дырочки на концах болтов.

Тележка была готова к полётам.

Время незаметно пролетело за этой работой. Я вспомнил, что в пять мне должны позвонить из Акбюка, да и живот уже подвело от голода. Пора было ехать назад в Кушадаси.

Где ты пропадаешь весь день?.. укоризненно сказал Феридун... Тебе уже два раза звонили. Твои пилоты из Москвы уже в Румынии. Утром послезавтра будут в Болгарии на границе, в Азизие. Хотят, чтобы ты их встретил, у них же с собой эти ваши дельты, моторы и куча вещей. Чтобы не вышло недоразумения с таможней...

Я растерянно подошёл к карте на стене Феридунова кабинета, чтобы прикинуть, как ехать и сколько на это понадобится времени. Получалось, как ни крути, хоть влево, а хоть вправо – всё равно ехать в объезд Мраморного моря. Путь неблизкий...

Завтра с утра выезжать. Только до Чанаккале, где Дарданеллы и паром, езды часов десять, как минимум. А оттуда ещё почти столько же!..

Сочувствую!.. сказал Феридун, увидев моё лицо.

Зазвонил телефон.

Наверное, опять твои пилоты... ворчливо сказал мой друг и взял трубку.

Альфрет-бей?.. он пожал плечами и протянул трубку мне... Какая-то женщина. Ты, как всегда, время зря не теряешь...

Здрасти!.. это была Вера... Ой, Альфред, здесь так хорошо, просто сказка!.. Мы так счастливы, вы не представляете. Гостиница большая, новая совсем. Нам дали по комнате на двоих. Кормят так, что можно за неделю форму потерять. Бассейн! Пляж красивый!.. Приезжайте к нам, обязательно!.. Дайте слово, что приедете!.. Мы вас познакомим с нашими девочками, хорошо?..

Я был рад за них. И тронут её откровенным желанием не остаться в долгу.

Хорошо, хорошо!.. смущённо сказал я, ощутив, как от её слов у меня помимо воли начинает разливаться сладкая тяжесть внизу живота... Я приеду обязательно, да только через несколько дней. Тут одно дело есть, мне необходимо отлучиться. Потом приеду...

Обязательно!.. сказала радостно Вера... Мы вас ждём!

В трубке щёлкнуло.

Разъединило. И замаячила дальняя дорога навстречу Игорю и его безымянному, пока для меня, напарнику.

Азизие...

Последние десятки километров дорога шла через леса и буераки, через гряды диких крутосклонных холмов – тут никакие танки не пройдут, настоящая природная граница между болгарами и турками. Добравшись до скромного, третьестепенного пограничного перехода, я огляделся – не прибыли ли мои гости. Но машины с советскими номерами нигде не было.

Я только-только пристроился полежать на диванчике в моём походном домике на колёсах – как из-за поворота медленно выехал задрипанный «жигуль» с прицепом. На крыше машины издали были видны длинные чехлы со сложенными дельтами.

Они!

Меня разбирало любопытство – что за человек этот Игорь. Его статьи по дельталётам, в советских ещё журналах, я почитывал уже несколько лет, специально отыскивая их в Лондонской библиотеке периодики.

Ну, с приездом!.. сказал я, подойдя к «жигулёнку» и протягивая руку в окно. За рулём сидел плотный широколицый мужичок с болотного цвета глазами.

Приветствую... спокойно ответил он и с любопытством посмотрел на меня... Вот, наконец, и повстречались...

Мы собирались встретиться в Кушадаси ещё год назад, но по недоразумению разминулись.

Рукопожатие было плотное, солидное. Вообще, человек был солидный – умный, чуть-чуть с хитрецей, знающий себе цену.

Рядом с ним сидел его товарищ. Гладкие тёмные волосы спадали на лоб. Живые глаза смотрели на меня и на мир вокруг с некоторым изумлением: родился вроде давно, а вот никак к этой жизни не привыкнет.

Олег... сказал коллега и с чувством пожал мне руку.

Надо было пройти таможеню.

Я знал по своим прошлым приездам, что турецкие таможенники очень небезразличны к моторам.

Где движки?... спросил я.

Да вон два на полу сзади, да третий в багажнике... сказал Игорь... А что?..

Закидайте их всяким барахлом, чтоб не видно было... сказал я... И если не спросят – не упоминайте...

Подошёл таможенник с большой бляхой на груди: полумесяц и звезда в красном кружке на восьмиугольном жетоне. Он поглядел служебным взором на три длинных свёртка на крыше машины и почесал затылок.

Бу...?.. Винсорф?... сказал, наконец, с сомнением в голосе таможенник.

Виндорф, эвет!.. сказал я, улыбаясь как можно безмятежнее.

Страж-недрёманое око успокоенно махнул рукой: проезжай, мол.

С тех пор, как в Турцию потоком хлынули туристы из Европы, всякие безмоторные мелкие снасти уже намозолили таможенникам глаза и не вызвали особого интереса. Просто здесь, в Азии, туристов с Запада проезжало маловато.

Мы неспеша двинулись в путь, на юг к Мраморному морю, в объезд его и дальше на Измир.

Когда мы, сильно устав от многих сот километров пути, добрались в «Мави Ай», было раннее утро. Мои новые приятели вытащили из багажника маленькую палатку, кое-как поставили её, привязав расчалки к двум деревьям, и завалились спать.

Я опустил стол в моём «домике» вровень с диванами, постелил на поролоновые матрасы старое одеяло и тоже прилёг. Ложе было чуть жестковатое, но удобное и широкое. Спать на таком в одиночку было уже привычно, хотя и по-прежнему грустно.

Что ж там за девочки, в группе у Николая-жонглёра?... подумал я, засыпая.

Проснувшись, я выглянул в окно. На лужайке между деревцами кипела работа. Москвичи уже выгрузили свои трайки с прицепа, сняли с крыши машины тяжёлые, четырёхметровой длины, свёртки с крыльями. Теперь они быстро, сноровисто собирали первый из дельталётов.

Я смотрел с интересом на незнакомую мне тележку, составленную из зеленовато-серого цвета дюралевых труб. Она стояла на узких колёсах с обычным дорожным рисунком протектора шин... от мотороллера, что ли?..

Трубы сходились к носу тележки треугольными рамами. Пилонов, соединяющих тележку с крылом, было тоже два. Трайк выглядел неуклюже и несокрушимо...

Что, выпался?.. заметив мою голову в окне «мерседеса», спросил с дружелюбной усмешкой Игорь... Чай не сделаешь?.. А мы тут пока приготовимся к полёту.

Олег упоённо хлопотал, присев на корточках над мотором.

Я вылез из каравана и помог им поднять мотор, чтобы установить его сверху на круглые трубки рамы.

«Ротакс»... уважительно подумал я. Мотор был австрийский: модель 582, мощный, с жидкостным охлаждением. Редуктор был шестерёночный.

Мой старенький трайк, построенный девять лет назад в Англии, выглядел по сравнению почти «фарманом». И винт у москвичей на их трайке стоял фибerglassовый, с тремя тонкими красными лопастями.

Тут окантовка стальная, под пластмассой... заметив мой взгляд, сказал Игорь и провёл рукой по ведущей кромке лопасти...

Да... такому винту мелкие камешки и разный хворост не страшны... подумал я. Но всё же мне был как-то роднее мой старый пропеллер красного дерева, тёплый наощупь и похожий на старинные винты давно ушедшей эпохи.

Романтика!..

Ну что, перекусим чем Бог послал, да и вперёд?.. сказал Игорь.

Олег пошарил в одном из брезентовых мешков, сгруженных с прицепа, выудил мятую банку с надписью «Завтрак туриста». Открыл.

Я из вежливости тоже поклевал кошмарного серого месива.

Славно закусили!.. быстро выпив кирпичного, крепкого как чифирь, чаю, сказал довольно Игорь. Его болотные, буро-зеленоватые глаза насмешливо улыбались.

Этот всё замечает... подумалось мне.

Пошли, покажу место поровнее... сказал я.

Я уже успел облазить прилегающую к «Мави Ай» часть равнины и определил себе взлётную полосу метров двести длиной, неподалёку от дамбы, по которой проходило недавно законченное шоссе. На полосе этой не было рытвин и бугорков, взлетать и садиться тут было легко и просто. И уже был вбит в землю шест с моим старым, выцветшим от солнца шёлковым конусом, указателем ветра, из белых и красных полос. Этот конус-мешок пролежал у меня в чулане добрых семь лет: реликвия наших со стариной Феликсом полётов в городишке Тире, где его и сшили нам когда-то в местном ателье, наотрез отказавшись взять деньги за ткань и за работу.

Пилоты!..

Мы были там, в глухом сельском углу, диковинкой. Вроде жирафа в зоопарке...

Выцветший от солнца и времени старый конус лениво полоскался вдаль на ветерке, над дикими травами приэфесской равнины.

Это что, аж вон туда переться?.. сказал недоумённо Олег...

До старого ветрового мешка от задних ворот кемпинга было метров восемьсот.

Игорь пожал плечами и хитро посмотрел на меня.

Альфред у нас, видать, любит мышцы качать... сказал он с чуть заметной издёвкой... Утром телегу туда оттащить, вечером обратно. Чем не упражнение?.. Ну, а мы-то люди ленивые, нам и тут хорошо...

Да. Нам и тут хорошо... поддакнул Олег, внимательно оглядев пространство за воротами. Он прошёлся метров на пятьдесят вперёд и неспеша вернулся.

Но тут же кочки!.. сказал я... И кустики, они вам под винт попадут на разгоне.

Альфре-ед!.. сказал с дружелюбным укором Игорь... Ты знаешь, с чего мы взлетали на Чукотке? Да тут же международный аэропорт!..

Я молча пожал плечами. Мы выкатили их тележку за ворота. Они в четыре руки сноровисто собрали и поставили носом в землю крыло. Проверили. Потом подтащили к нему сзади свой трайк. Продели в массивные узлы соединения толстый болт-десятку. Законтрили каким-то специальным авиационным приспособлением. Перебросили через килевую трубу крыла двойной трос страховки. Надёжно закрепили.

Я любовался их ладной, сноровистой работой. Ребята были профессионалы, сразу видно.

Ну что, поскакали?.. сказал Игорь, натягивая на голову большой военный авиа-шлем с тёмным забралом из плексигласа.

Они быстро уселись и пристегнулись.

Крутнёшь?.. обернувшись ко мне, предложил Игорь.

Я провернул пару раз заводным шнуром их новый «ротакс».

Игорь щёлкнул тумблёрами зажигания.

Я рванул шнур что есть силы. Мотор взревел.

Отойдя на пару шагов в сторону, я смотрел, как две огромные и белые, точно яйца неведомой птицы, головы в шлемах соприкоснулись. Видно, Игорь с Олегом что-то обсуждали, пересиливая рёв мотора и жужжание винта.

Потом дельталёт медленно стронулся и покатил, быстро набирая ход. Его раскачивало и швыряло на выбоинах. Из-под винта разлетались ошметки травы. Вскоре он привсплыл. Набрал ещё скорость, цепляя колёсами за остья верблюжьей колючки. Потом Игорь резко отжал перекладину, и аппарат взмыл гигантским прыжком в синеву.

Я восхищённо покачал головой. Истребитель!..

Они набрали метров триста, развернулись, прошли в слепящей синеве неба надо мной. Я смотрел, шурясь, как бело-синее, невзрачной расцветки, крыло уходит в сторону моря, к моему старому, заброшенному ныне кемпингу на пляже.

Минут через десять я снова услышал гул мотора и рокот винта. Дельталёт прошёл надо мной, плавно развернулся по ту сторону шоссе и стал неспешно снижаться. Зашёл на посадку носом ко мне, быстро вырастая в размерах, и сел в том же месте, где оторвался от земли. Пробежал враскачку по неровному полю, неспешно замедляя ход, и остановился в пяти шагах от ворот.

Ну вот, а ты чего-то переживал... выключив мотор, сказал мне Игорь. Он снял шлем и вышел с переднего сиденья, освобождая путь для Олега.

Олег быстро выскочил из некоего подобия кабинки, которое создавали серые панели из ткани, закрывавшие сиденья по бокам. Впереди у их трайка был тупоносый оранжевый обтекатель откровенно самодельного вида.

Олег подошёл к мотору и стал его чуть ли не обнюхивать, исследуя какие-то скрытые для простых смертных знаки.

Надо будет того... наконец, вымолвил он и пошевелил пальцами.

Сделай... согласился с ним Игорь.

Пусть остынет сперва... возразил Олег... А то, сам понимаешь...

Ясное дело... сказал Игорь, пожал плечами.

Я невольно покачал головой. Эти двое понимали друг друга без слов. Высший класс!..

Сняв крыло, мы втащили тележку обратно в ворота кемпинга.

Время было обедать.

Я каждый день ездил ближе к вечеру в Сельчук – там было полно недорогих ресторанчиков, расставлявших свои столики прямо по тротуарам. Кормили вкусно: кебабами, жареными бараными почками. Всё было дымящееся, свежее, прямо с углей.

Мы поехали втроём на фургоне и уселись за столик на улице, в заведении, где меня уже знали.

Когда мы поели, я расплатился с пареньком, подававшим нам молча и уважительно блюда.

Игорь глянул на счёт. Они переглянулись с Олегом, и тот закатил глаза.

Дорого здесь!.. сказал Игорь неодобрительно... Самим лучше готовить. Рынок есть тут в городе?..

Должен быть... смущённо сказал я.

Мне было неловко и странно – неужто для кого-то даже здесь, в незатейливых турецких общепитах, цены слишком большие?

От внимательных глаз Игоря ничего было не скрыть.

У нас в Москве сегодня зарплаты по двадцать пять-тридцать уе в месяц!.. сказал назидательно он... Так что сам понимаешь...

Тридцать чего?.. в недоумении спросил я.

Они переглянулись и засмеялись.

Уе!.. сказал Олег, деликатно кашлянув... Ну, это, как бы сказать...

Уе-баловка!.. отрезал Игорь.

И увидев, что я так и не понял, добавил:

Объясняю, для непонятливых англичан... у нас там сейчас на рубли ничерта не купишь. И в ценах ничего не поймёшь. Каждый день скачут, как блохи. Поэтому и придумали эти уе. Условные единицы...

А они чему равны?.. спросил я в недоумении.

Доллару!.. сказал Игорь, ухмыльнувшись.

Так на кой хрен?.. пожав плечами, сказал я.

А чтоб, значит, не так за державу обидно было... весомо сказал Олег. Игорь засмеялся.

Мы заехали, по пути в «Мави Ай», на базар, занимавший большую площадь у автостанции. Груды овощей и фруктов громоздились со всех сторон на лотках. Полновесные, натуральные турецкие помидоры стоили какие-то нелепые копейки, с пяток тысяч лир за кило.

Игорь с Олегом смотрели цены и качали головами.

Дорого тут, всё-таки... сказал озабоченно Игорь, когда мы выбрались на дорогу к машине... В Болгарии невпример лучше... Но ничего, будем борщ хлебать. Ты борщ ещё любишь, Альфред?

Назавтра я оставил моих новых приятелей собирать остальные трайки, сел в фургон и отправился в Акбюк. Мне было неловко: фургон мой был нам и кухней, и столовой – на плитке с двумя конфорками было удобно готовить, за столом у заднего окна покойно было есть и пить чай, глядя на деревья вокруг. Я оставлял Олега с Игорем при их крохотной палатке, старом походном примусе и консервах «Турист». От этого на душе было неуютно.

Ребята, впрочем, ничем не выказывали недовольства. Они давно сроднились с таким минимумом удобств в своих долгих экспедициях, в тайге и тундре.

Вернусь вечером, ну самое крайнее завтра... сказал я из окна фургона.

Вали... успокоительно сказал Игорь... У нас тут как раз дел хватит на пару дней. Не беспокойся...

Проехав Кушадаси, я спустился по крутому уклону в близлежащий Сёке – обычный турецкий районный центр, где не было ни туристов, ни гостиниц европейского типа, ни бесчисленных лавок, которые бы наперебой предлагали ковры, кожаные пальто, золотые висюлины и

перстни. Это была настоящая, дотуризмная Турция, с её тяжёлым медлительным укладом, усатыми жилистыми мужчинами в чёрных кепи или бараньих смушках над коричневыми от загара лицами, и женщинами в тёмных балахонах, из-под которых выглядывали широкие, легкомысленно-цветастые штаны.

Нигде, впрочем, не увидеть было ни старинных красных фесок, ни скрытых под чёрной завесой женских лиц – как запретил это больше полувека назад Отец Народа, так оно и осталось.

Проехав Сёке, я выбрался на ровное, как линейка, узкое шоссе, пересекавшее низкой дамбой широченную и ровную как стол долину. Здесь было рукой подать до Приенн, развалин древней греческой колонии на склоне горы, с дальними просторными видами на море и на равнину, уводившую на юг, к Милету. На узком выезде из городка на равнину нескончаемо дули яростные ветра – природная аэродинамическая труба. Косо стелились покорные ветру придорожные туи.

Я ехал дальше, мимо зачарованных тысячелетним молчанием развалин Милета, над которыми старая турецкая крепостца упрямо вздымала ввысь красный флаг... Мимо Дидимы с её удивительным храмом... потом пошла какая-то уже совсем пустая чуть волнистая равнина...

И вдруг впереди блеснуло море.

Скромный дорожный указатель.

Налево было в Акбюк.

Тут у вас артисты поселились... сказал я молодому вежливому дежурному, стоявшему за прилавком в большом, полутёмном и прохладном, после яркого солнца снаружи, холле отеля.

Артисты. Уруслар. Кызлар!..

Ah!.. Do you mean the Russian dancers?..

Он спросил это на сравнительно неплохом английском.

Мне стало очень неловко за мои неуклюжие усилия. Вроде как принял умного туземца за шимпанзе.

Впрочем, молодой портье совершенно не был обижен. Он деловито набрал номер и терпеливо подождал.

No answer, sir...

Подумав секунду, он набрал ещё один номер. Послушал, сказал что-то по-турецки и передал трубку мне.

Да-ммм?.. сказала трубка мне в ухо низковатым молодым женским голосом, от которого у меня вдруг протекло холодком внизу живота.

Агтисты из России?.. переспросил задумчиво и неспешно этот голос с лёгкой, милой французской картавинкой... А зачем вам?..

Я Альфред, может, слышали от Коли и Веры?.. сказал я в недоумении. В голосе девушки мне почудилась некая снисходительность. Этого я, их благодетель, не ожидал уж никак.

Не слышала я ни о каком Альфреде... сказала девушка равнодушно... И вообще, их тут нет никого, они, навегно, на бассейне. А там телефона, кажется, нет. Вам не повезло!..

Ишь ты, штучка!.. подумал я оторопело со злостью... Выпендрёж какой-то... строит из себя нечто этакое...

Я проехал только что сотни три километров по жаре и чувствовал себя усталым и раздражённым.

Ну, и на том спасибо!.. сказал я угрюмо в трубку и положил её на прилавок.

Где у вас бассейн?.. обратился я к молодому портье.

Он с улыбкой показал на широкую заднюю дверь, из которой в холл мощным потоком лился солнечный свет. День был в самом разгаре.

Я прошёл на просторную площадку, где под лёгким навесом из пластмассовых гоффров стояли обеденные столы. Дальше был просторный пляж и широкий залив – другой берег едва виднелся на горизонте. Почти сразу же за открытой столовой гостиницы был бассейн.

Там, над голубой водой, стоял Николай – бугры мускулов и синие плавки, в которых, полупрозрачных от воды, тоже массивно и многообещающе бугрилось. С ним рядом сидели две тощенькие девушки в бикини. Ещё одна плескалась в голубой воде бассейна.

Альфре-эд!.. радостно выдохнул Николай, разведя руками... Девочки!.. Смотрите, кто к нам приехал!..

Я был смущён и тронут этой искренней радостью.

Вера помахала мне рукой из воды. Две девицы, сидевшие на полотенцах возле Коли, посмотрели на меня долгим экзаменаторским взглядом и отвернулись. Ни слов, ни улыбки...

Я подошёл. Девушки были стопроцентные балерины, плоскогрудые, худосочные, тонкобёдрые, с мощными икрами на узких голених. Они сосредоточенно смотрели куда-то в даль залива, словно избегая меня взглядом.

Может, им уже было наказано меня отблагодарить, а я, вот сейчас, не прошёл по конкурсу?... мелькнуло у меня в голове.

Эта мысль и огорчила, и насмешила. Как ни чувствовал я себя неприятно и маятно в моём нынешнем вынужденном воздержании – эти две жердяные девицы никакого желания во мне уж никак не возбуждали. Вера, и та была куда как поаппетитнее, хотя и давно уже не вызывали во мне влечения сильно крашенные блонды с равнодушным студнем вместо глаз.

Николай шагнул навстречу и взял мою руку в свои могучие ладони.

Не знаем, как вас и отблагодарить!.. сказал с искренним чувством простодушный силач... Тут нам так хорошо! Просто курорт... Денег, правда, пока не платят, но и то спасибо. Комнаты хорошие, кормёжка что надо. Да и вокруг красота какая... Теперь мы уж точно переберёмся, пока этот наш бордель в Измире снова откроется!.. Огромное вам спасибо...

Услышав слово «бордель», балерины неприязненно подняли на Колю глаза и опять отвернулись.

Ну чего вы, девочки!.. укоризненно взмолился он... Ну?... Человек нам так помог, а вы и спасибо не скажете.

Вот!.. имей после этого дело с такими стервями... отведя меня чуть в сторонку, с извинением в голосе тихо сказал Николай... Жрицы Мельпомены, мать их дери!.. Я уже с ними столько говна сожрал, кто бы знал... Кордебалетчицы с Мухосранской оперы! Только и зыркают глазами, какого-нибудь богатенького буратину с усами себе найти... Я ж деньги занял, чтобы их сюда привезти, в очереди ко мне стояли, лявры... ложились, чтобы взял их!..

Он с тоской смотрел на меня.

Я не знал, что сказать.

Из широкого тёмного проёма двери гостиницы вышла девушка в лёгком пляжном платье с разрезами по бокам и направилась в нашу сторону. На загорелой руке висело полотенце.

А вот и наша принцесса-недотрога!.. негромко сказал Николай. В его голосе звучала уважительная неприязнь.

Девушка подошла к двум, сидевшим у бассейна, и постелила своё полотенце чуть в стороне.

Я смотрел на неё, не скрывая удивления. Она была чуть тяжеловатая, со скруглёнными формами, от её тела веяло кошачьей грацией и мягкой силой.

Девушка одним плавным, длинным движением сняла через голову платье. Зацепившись за что-то в её пенькового цвета волосах, платье дёрнулось – и с головы незнакомки тяжело упала ей между лопаток длинная толстая коса.

Я замер, любуясь её грудями, туго заполнявшими небольшие чашки бра из тянучей ткани с люрекомсом. Её округлыми сильными плечами, узкой упругой талией, чуть широкими, литыми ягодицами.

Николай перехватил мой, как видно, откровенно– восторженный взгляд, и лицо его прояснилось.

Русланочка!.. просительно сказал он... Не подойдёшь к нам?.. Вот, к нам Альфред приехал. Это он нас сюда пристроил. Подойди, а?..

Девушка подняла округлое лицо, в котором светились, будто два оникса, широко расставленные серые глаза. Взгляд был смелый и всё же чуть по-девичьи застенчивый.

Она явно ощутила кожей мою неизлитость и томление, и слегка покраснела, но не отвела потеплевшего взгляда.

А, это вы только что звонили, навечно?.. спросила она и вдруг рассмеялась... Я, кажется, вам слегка надегзила, правда?.. Ну, вы ведь меня простите, да?..

Поднявшись неожиданно с мягкой грацией со своего полотенца, девушка подошла и посмотрела с шутивым смирением мне в глаза.

Под этим взглядом у меня вдруг перехватило дыхание и по животу стал расплзаться давно уже забытый, казалось, холодок. Всё вокруг будто куда-то провалилось, а были только вот эти два серых, с зеленоватыми прожилками, оникса. Два туманных затягивающих омота, в которых такие черти привиделись вдруг в глубине... что меня, будто взрыв, будто безмолвный крик, ожёг пьяный чувственный восторг.

Она это всё почувствовала, чертовка. Свою мгновенную и полную победу. Свою сладостную власть надо мной.

Я стоял растеряннo, оглушённый. Чувствуя, как тяжело и густо краснею от бешеного пульса крови во всём теле...

Ну что ты, дурень, стоишь столбом?.. заныл внутренний голос... Неприлично же, в сорок с лишним лет, втрескаться вот этак, налету... будто тебе снова двенадцать и при виде Любки с первой парты у тебя отнялся голос...

Словно проснувшись, я вдруг опять увидел Колю, и сидящих на раме бассейна тощих балерин, и плескавшуюся в голубой воде Веру. Все смотрели, не отрывая глаз, на меня и на... Господи, а как же зовётся это видение, и не вспомню?..

Руслана!.. сказала, просто и даже с милой наивностью, девушка. И протянула мне руку. Её узкая кисть с длинными пальцами оказалась неожиданно сильной и тёплой.

Аа... Альфред... зачем-то сказал машинально я.

Мне страстно хотелось прижать эту кисть к губам и замереть... но на нас смотрели... я нежно обнял обеими ладонями эти пальцы и лишь посмел чуть-чуть дольше обычного подержать.

Руслана не отстранила руки. Только внимательней обычного смотрела мне в глаза... потом мягко вынула пальцы из моих ладоней.

Пойдёмте на пляж... сказала вдруг она... Не люблю плавать в бассейне...

Почему?..

Мой голос прозвучал осипло и растеряннo.

Надоело... с детства пол-жизни в бассейнах провела... пожав округлыми плечами, сказала девушка.

Вы спортом занимались, наверное?.. медленно спросил я, будто освобождаясь от навяздения.

Мы неспеша шли рядышком к воде. Мои сандалии зачерпывали песок. Босые ноги Русланы – крепкие, литые, загорелые, в едва заметном пушке волосинок – оставляли смутные отпечатки в песчаной ряби.

Да. Как раз плаванием... Я в пятнадцать уже мастера получила... спокойно, даже будто извиняясь за такую экстравагантность, сказала моя спутница... Где-то валяется значок. Да кому он тепежь нужен?... Совок развалился, никому до спогта дела нет... Да и я тепежь ведь танцую, а не плаваю. Прибилась вот к этим, случайно столкнулись в Москве. Так с ними и поехала в эту Тугцию...

В её голосе мне послышалась лёгкая неприязнь.

Вам здесь не нравится?... спросил я... Страна ведь красивая, интересная...

Да, навегное... задумчиво сказала Руслана... Если б только не эти тугки... как они меня достали!.. вам как мужчине, навегное, этого не понять!..

Я вспомнил два-три случая, когда пытались пристать и ко мне – но что именно во мне наводило здешних мужчин на подобные поползновения, для меня оставалось загадкой.

Думаю, что могу... сказал я неосторожно... Был некоторый опыт по этой части...

Её глаза смешливо расширились.

Правда?... Ой!.. И что же вы – неужто не воспользовались случаем?..

Она явно загорелась любопытством.

Умри, но не дай поцелуя без любви!.. чуть подумав, сказал я с идиотской торжественностью в голосе.

Руслана весело засмеялась. В глазах всё так же светилась неуголённая, очень женская, любознательность.

Ваше кредо в подобных случаях?... заглядывая мне долгим испытующим взглядом в глаза, спросила она с дружелюбной поддёвкой.

Я пожал плечами – цитата из речений какой-то героини российской классики ей была явно не знакома.

Ну, не то чтобы... сказал я, с сомнением в голосе.

Нехватало, чтобы эта бесхвостая русалка приняла мои слова на полном серьёзе!..

Я вот сейчас просто умру от любопытства!.. сказала Руслана, с жалобно-смешливой улыбкой... И вам будет жалко. Ведь правда, вам будет жалко, если я вдруг умру?..

Никогда себе не прощу!.. сказал я, окунувшись опять долгим взглядом в серые манящие омуты её глаз. Мне было тревожно и сладостно плавать там, в неизведанной туманной глубине.

Она вдруг посерьёзнела и опустила глаза.

Вы... это просто шутка была или... в самом деле?..

Я испытующе посмотрел ей в чёрные дула зрачков. Она вдруг покраснела, но не отвела взора. Несколько секунд её глаза настойчиво вщупывались, казалось, в самую глубину моего сознания. Впитав мою жажду и глухое, мучительное томление, её зрачки чуть заметно расширились, будто насытись.

Понимаете... подумав, медленно и неловко сказала вдруг ундина... Со мной ни один мужчина вообще никогда не говорил о таком... Значит, вы и правда берёте меня в настоящие друзья?..

Да!.. горячо сказал я... Только... не помешала бы эта откровенность потом?... А если у нас вдруг, кроме дружбы, что-то начнётся ещё... ?..

Она взяла обе мои руки в свои и вновь посмотрела долгим взглядом мне прямо в глаза.

Нет... просто сказала девушка... Это ведь доверие... оно не может помешать... вот вам моё слово...

Я взял протянутую мне руку и вдруг поцеловал эти длинные красивые пальцы. Не думая о том – видят ли нас Николай и Вера, и две балерины, по-прежнему сидевшие над бассейном.

Мы долго молчали.

Потом Руслана осторожно высвободила свою руку из моих пальцев.

Ну так вы мне расскажете, всё-таки?... глядя куда-то вдаль, вновь спросила она. И опять покраснела.

Я колебался. Моё молчание нарушало ту незримую, но драгоценную для меня чувственную связь, которая установилась между нами с первого взгляда. Но мне ужас как не хотелось сказать ничего такого, что могло бы её оттолкнуть.

Однако, и молчать было уже некрасиво.

Да, честно говоря, вроде и вспомнить нечего... пожав плечами, нехотя вымолвил я... В смысле фактов... оно как бы и вовсе ничего... Ну, как-то раз вечером в Сельчуке... помните, вы его проезжали по пути сюда?.. пристал я от скуки к компании австралийцев каких-то... молодых, уже пьяных в дупель... они ни одного бара не пропустили в городишке, и я с ними за компанию... Потом, где-то в полночь, объявили, что идут в ночной клуб. Я и не знал, что там есть такой. Показалось интересно... да и одному скучно... и уныло... в общем, я потащился за ними... Это было с неделю назад, кажется...

Ага!.. сказала Руслана многозначительно... И что же?..

Она смотрела мне в глаза с почти детским, наивным любопытством, вся внимание.

Да что ж?.. уселись они там дружной кучей, всемером, за стол, на скамью... Там скамьи в форме подковы, в огиб стола... Развалились пошире... ещё и две девицы были с ними, тоже едва на ногах, но энергии – на атомную бомбу!..

Я пожал плечами и вздохнул, вспоминая тот вечер. Глаза моей новой знакомой светились любопытством.

Ну и что было дальше?.. с интересом спросила она.

Мда... от тебя так легко не отделаться... мелькнуло у меня в голове.

Я пожал плечами и вздохнул...

Они, мне показалось, нарочно этак пошире расселись, чтобы места в их закутке для меня не осталось... Там, в этом клубе, круглый зал в подвале, почти темно, музыка завывает и стонет вздохами... знаете эти турецкие страсти?..

Ох, уж мне-то не знать... вздохнув, сказала моя спутница с коротким смешком... Каждый вечег под эти вопли и стоны консумацию с каким-нибудь усатым дядькой разводить... и молиться, чтоб он отвегнулся – надо же незаметно свои погции выливать под ноги, иначе караул!.. Забалдеешь, а это нельзя...

Правила такие, или сами для себя решили?.. спросил я, в надежде перевести стрелку в разговор. Да и в самом деле было интересно: как там всё это происходит, за кулисами.

Это не то чтобы правило... сказала Руслана с некоторым удивлением моей непонятливости... Какие там в джунглях правила?.. Просто иначе сопьёшься... сколько девчонок на этом просто погибло... Там стóит хоть раз контроль потерять – утащат, и дальше сами знаете что...

В молчании мы подошли к самой воде. Бриз уже начинал слабеть. Небольшие волны с тихим плеском всползали на мокрый песок и медленно утопали в нём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.